

СЕГОДНЯ — 95 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. ГОРЬКОГО

Творческая деятельность молодого Горького формировалась в условиях развивающегося революционно-освободительного движения 90-х годов, приведшего к первой русской революции. Его жизнь, революционная и творческая деятельность кровно связана с Поволжьем Нижним Новгородом, Казанью, Самарой. Здесь мужчина и креп голос будущего революционера.

События 1901 года наглядно раскрывают значение Горького. После возвращения писателя в Нижний Новгород из Тифлиса, куда он в 1898 году был привезен из Самары, он начал писать рассказы, в которых изображал рабочий класс. Обличая в самарских рассказах представителей капиталистического мира, писатель сочувственно относится к угнетенным массам.

Рассказ «Два бояка» относится к этой группе произведений. «Проходящий», от лица которого ведется рассказ, дает незабываемую картину, очевидцем которой он был в Севастополе. К подрядчику-землемеру пришли проситься на работу двадцать «голодающих из России». Это были плененные, самарские и симбирские мужчины. Сняв шапки, голодающие стояли понуро, говорили тихо и просительно. «Возьми, сделай милость. Мы в ножки поклонимся! — умоляющие просили чернобородый и стал опускаться».

Эту беспомощность и покорность мужиков используют жулики-подрядчики. Писатель об этом говорит с горечью. Мужикам он противопоставляет двух бояков, которые резко выделяются среди привыкших голодающих «по рисовке и по той бесцеремонной независимости», с которой они держали себя во дворе подрядчика, в разговоре с ним. С одной стороны, робкое терпение и забытость, с другой — бесцеремонность, «необыкновенность».

Повесть «Городок Окуров» была напечатана в сборнике «Знание» в 1909 году. Это произведение об уездной мещанско-России.

Социальная значимость повести «Городок Окуров» определялась тем, что она была написана в годы политической реакции, когда «сытые мещанство и мелкие паразиты, которые всю жизнь жульнически старались разбогатеть на крови рабочих и крестьян», заявили о себе черносотенными погромами. В повести показана и раскрыта почва, на которой выросла и оформилась эта психология: косная, тупая уездная мещанская жизнь.

Характеристика города Окурова основывается на знании жизни тех уездных и губернских городов, которые Горький видел во время своих скитаний по России. Об этом рассказал сам писатель в письме к П. Х. Максимову 18 августа 1911 года: «Вы говорите: «Не видал Окурова, у нас на юге таких городов нет». Знаю, что ваши Окуровы поживе напах, но больше таких, как наши, их выше 800. Да и они же отнесите города, подобно Симбирску, Пензе, Рязани, Калуге — много их. И заключены в них великие миллионы русских людей».

Рассказ «Два бояка» открывает серию симбирских рассказов Горького. Он был напечатан в «Самарской газете» осенью 1894 года. На страницах этой газеты за 1895—96 гг. было напечатано свыше тридцати художественных произведений («Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», «На плотах» и др.), около 500 обзоров, публицистических статей и фельетонов. Деятельность Горького в «Самарской газете» хронологически совпадает с началом третьего, пролетарского периода освободительного

«Установить за ним строгое наблюдение»

В связи с 95-летием со дня рождения Алексея Максимовича Горького мне хочется обратить внимание читателей вот на какой факт. М. Горький не жил в Симбирске-Ульяновске и на территории нашей области, но в Государственном областном архиве имеется несколько документов, связанных с именем великого писателя,

В мае 1898 года симбирская жандармерия получила уведомление начальника Нижегородского жандармского управления о предполагаемом выезде М. Горького из Нижнего Новгорода в Сызрань. В связи с этим начальник симбирской жандармерии 5 мая 1898 года направил в Сызрань и Сенгилеевский уезды своему помощнику следующее распоряжение: «Начальник Нижегородского губернского жандармского управления при подпись от 30 апреля сего года за № 587, препроводил кому переписку о выезде 29 апреля сего года г. Сызрань негласно поднадзорному лицу Алексею Максимову Пешкова. Вслед за этим тот же начальник управления, основываясь на требовании начальника Тифлисского губернского жандармского управления, шифрованной телеграммой от 3-го сего мая за № 37201 просит производить «обыск, арест и препровождение Пешкова в Тифлис к начальнику губернского жандармского управления. (Как известно, М. Горький, работая в 1891—92 гг. в Тифлисских железнодорожных мастерских, постоянно общался с политическими ссыльными, участвовал в организации нелегального кружка передовой молодежи, вел пропагандистскую работу среди рабочих. Этим, видимо, и объясняется требование его ареста. В. Г.)».

Помощник же начальника Симбирского губернского жандармского управления, получив этот документ 6 мая, просил губернского жандармского управления сообщить ему дополнительные сведения «об имущественном положении, роде занятий или других каких-либо данных относительно личности негласно поднадзорного Алексея Максимова Пешкова на настоящую переписку имечь возвратить».

Б. ГРИГОРЧЕНКО, старший научный сотрудник Госархива Ульяновской области.

Получил ротмистр ответ на свой запрос или нет — неизвестно, так же как неизвестно — был М. Горький на этот раз в Сызрани или нет.

7 мая начальник Симбирского губернского жандармского управления уже сообщал в Нижегородское жандармское управление, что «за неоказанием в г. Сызрани негласно поднадзорного Алексея Максимова Пешкова на настоящую переписку имечь возвратить».

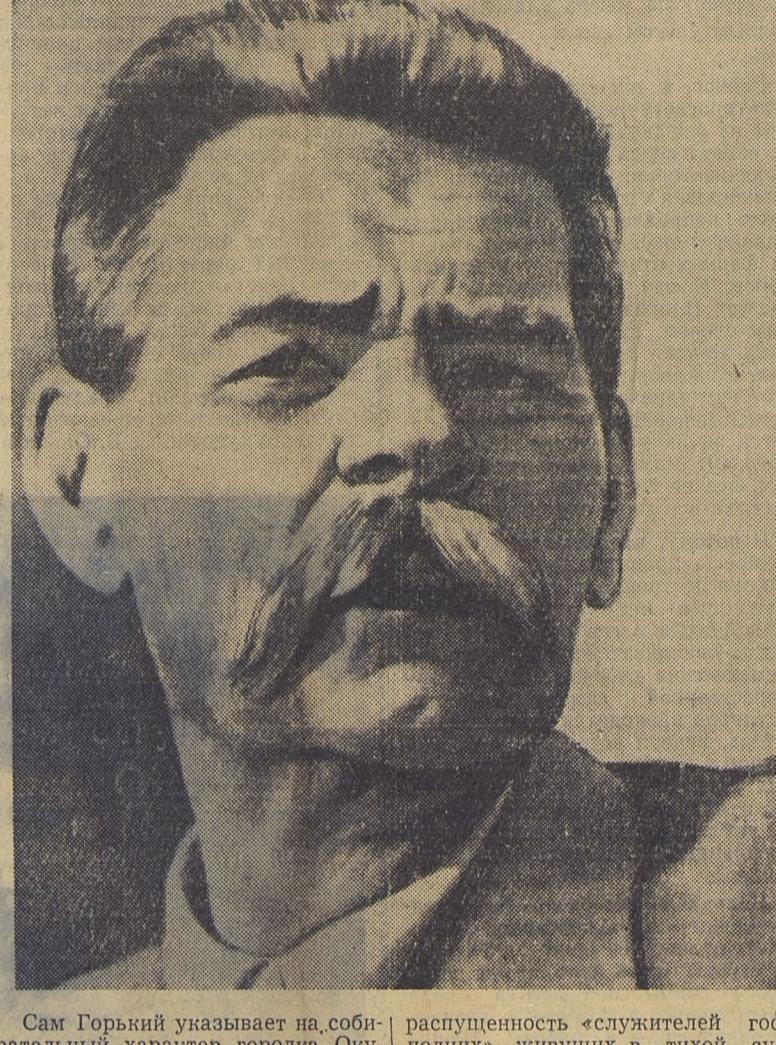
В. ГРИГОРЧЕНКО, старший научный сотрудник Госархива Ульяновской области.

ГОРЬКИЙ. Большой материал о жизни и творчестве Алексея Максимовича Горького собран в Государственном музее его имени. Накануне 95-летия со дня рождения великого пролетарского писателя обновлены и пополнены экспозиции музея. Представлены личные вещи Алексея Максимовича, редкие фотографии, новые документы.

Учащиеся, рабочие и служащие, экскурсанты из разных городов нашей страны с интересом знакомятся с материалами о жизни и деятельности будущего революционера.

НА СНИМКЕ: экскурсанты в залах Государственного музея имени А. М. Горького.

СИМБИРСКИЙ КРАЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОРЬКОГО

Повесть «Мои университеты», заключительная часть автобиографической трилогии, была написана в 1922—23 годах. В «Моих университетах» находит свое место и симбирский материал. Эпизодом на барже заканчивается эта повесть.

После бегства из Красновидова Максимыч и Баринов на казанской пристани устраиваются на одной из барж. Алексей Пешков знакомится с вологодским Петрухой, рулевым на барже, угрюмым и озлобленным нелюдем. Петруха едет в Симбирск, чтобы убить дядю, разорившего его.

Описания симбирской пристани в повести нет, но выразительная история вологодского Петрухи и злодея трактирщика дает представление о нравах, царивших на этой пристани.

Последним по времени произведением, в котором использован материал из жизни нашего края, это картины к инсценировке П. Сухотина «В людях» (1932 г.). В первой картине участвуют и симбирские крестьяне-грузинки.

На волжской пристани — десятка полтора грузинок. Старик, обрашавшийся к ним, говорит: «Грамотей — все жуликовать, для того и учиться. У нас, в селе, парнишко один учился, потом — в город; в Симбирской поехал, через некоторое время вернулся, так уже сам в чине учителя, да-а! А через четыре года подал прошение, чтобы в дьякона его записали. А теперь он — попом в Промзине; живодер — на сто верст в округе не найти равного».

В этой картине — глубокое содержание. Как будто бывший сельский парнишка пристроился, «выбился в люди», став «батюшкой» богатого Промзинского каменного, теплого храма. Но устами старика-грузинки дана оценка его «способностей»: «Хиводер — на сто верст в округе не найти равного». Его деятельность приравнивается к деятельности трактирщика. Эти рассуждения вкладываются в уста старого грузинка-симбирянина. Он не скажет «в ножки поклонюсь», как говорил чернобородый симбирский мужик в рассказе «Два бояка», обращаясь к подрядчику. В старике, как и в его товарищах по артели, нет и тени беспомощности и угнетенности духа, характерной для поволжских мужиков из рассказа «Два бояка».

А. М. Горький дал «В людях» новое раскрытие характера симбирского мужика. В сцене преемственно показана судьба чернобородого мужика, уже не раз побывавшего в отхожих промыслах и в городах. Тяжелый опыт наемной работы давал свои плоды: формировалось новое поколение крестьян, рабская патриархальная психология распадалась. Этот процесс «раскрыствивания» психологии симбирских мужиков и уловлен Горьким в «Два бояка» и в «В людях».

Образы симбирских голодающих мужиков, грузинок, Степана Разина, Петрухи и его злодея — симбирского трактирщика, а также алатырского монаха-«утешителя» и промзинского попа, наконец, образ гордости Окурова имеют большое познательное и воспитательное значение. Они вошли в богатую систему горьковских образов, связанных с Поволжьем, с Россией тех лет, когда великий пролетарский писатель проходил свои «университеты» в жизни.

П. БЕЙСОВ.

Сам Горький указывает на собирательный характер городка Окурова, в жизни которого отражены особенности уездной России периода реакции.

Горьковская характеристика симбирской «окуровщины» ничуть не противоречит понятию «обломовщины». Ведь Матвей Кожемякин — Обломов города Окурова.

Рассказ «Краха» напечатан в 1913 году в большевистском ежемесячном легальном общественно-политическом и литературном журнале «Просвещение». В этом журнале опубликованы работы В. И. Ленина. Литературным отделом руководил А. М. Горький.

В годы нового революционного подъема Горький продолжает писать рассказы-воспоминания, являющиеся подступами к автобиографической трилогии. В «Жизни Матвея Кожемякина», освещающей историю окуровской уездной Руси за пятьдесят лет, рассказывается также и об «утешителях»: «святом старце Иоанне, о «старце богомоле — великом бабнике».

Рассказ «Краха» продолжает тему разоблачения монастырских «утешителей». Симбирская губерния была богата такими «утешителями страждущих». Один из них является главным действующим лицом рассказа «Краха». Осенью из Царицына в Макарьев ехал маленький рыжий солдат, бывший денщиком Лука Чекин. Это был тихий парень, с круглыми, как у сыча, глазами. Его-то и «облюбовал» алатырский монах. Заговорил он с бывшим денщиком «непривычно Луке мягко, незнакомо приветливо». Узнав, что у солдата брат торговец, а у самого Луки есть около сотни рублей, монах становится еще внимательней. Его голос сделался тише, ласковей, гафтичней зазвучала убедительная речь монаха. Лука покорен этой приветливостью, мягкостью и лаской монаха. Он уже задумывается о жизни в алатырской обители. Но обстоятельства изменились: Чекина оббрали шайка картежников-аферистов. Лука вспоминает об алатырской обители, как о возможном убежище, и заговаривает с монахом:

«— А далеко от Симбирска до монастыря?

— Пятьсот верст, — ответил монах глухо и грубо, точно выругался.

Образ алатырского монаха, елейного пройдохи, заставляет читателя задумываться не столько о самом Чекине, сколько о бесстыдном поведении монаха.

«Краха» раскрывает духовную

распущенность «служителей господних», живущих в тихой сурской обители. Кто кого обворовал: Чекин, картежники или алатырский монах, обладатель «тугого, тяжелого бумаажника»? Воры-картежники и монахи заняты одним: им нужна не душа, а деньги Луки Чекина. Воры оказались более предпримчивыми и ловкими, чем монахи. Только в этом разница.

«Степан Разин», «Мои университеты» и картины к инсценировке «В людях» написаны Горьким в советское время — в 20—30-х годах.

В сценарии «Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666 — 1668 годов» особенно выразительны картины расправы князя Борятинского под Симбирском, на берегу Волги, с пленными разинцами.

«Князь стоит перед толпою пленных.

— Что, бунтовщики? Попались?

Кричит, топая ногами:

— Утопить их. Вешать! Посадить на колья. Плоты построить, на плотах виселицы, и пустить по реке, на поучение холопам.

По реке плывут плоты, на них устроены виселицы, на виселицах — трупы казаков и крестьян. На плотах тоже изрубленные трупы. Некоторые посажены на колья.

В этих словах Горького нет превышения. Трупы казненных и замученных разинцев устилалиуть воеводы князя Ю. И. Борятинского, шедшего к Симбирску со стороны Казани. Эта кровавая страница в истории Симбирского края, связанная с именем Борятинского, вошла в народную память и сохранилась в преданиях до 80—90-х годов XIX века.

Фото Н. Акимова. Фотохроника ТАСС.

